

болеешь ли? — Нет, слава Богу,— Здоровый я,— отвечал Казанзин (Ч. Айтматов. Буранный полустанок).

Дела идут, контора пишет — говорится шуточно о чьей-либо активной деятельности, на которую не влияют никакие внешние обстоятельства: Гаврик собрался поделиться своими новостями о том, например, что недавно вернулся брат Терентий и опять поступил на работу... что «дела идут, контора пишет». (В. Катаев. Хуторок в степи).

Дела как сажа бела — обычно говорится в ответ, когда дела идут плохо или когда не хотят отвечать конкретно и ограничиваются этим неопределенным ответом (ответ подразумевает неудовлетворительное положение дел): *Тут дела как сажа бела*: прислали фотографа, сняли людей для партдокументов. А Синцову пока что от ворот поворот! (К. Симонов. Живые и мертвые); Так, так. А сюда по какому делу? — не оборачиваясь, допытывался извозчик.— В Москву-то? *В Москву разгонять тоску*,— отшучивался Николай Иванович (В. Белов. Кануны).

— Как ты живешь? — *Как все...* Прожила день и жива, значит, хорошо (Ю. Трифонов. Старик); — Привет! — Подошел, обнял Пронька режиссера, похлопал его по спине.— *Как житуха?* (В. Шукшин. Ваня); — Как жизнь, Иван? — *Как в аптеке на фармацевтических дозах*,— хмуро ответил Иван Лепота (В. Тендряков. Чистые воды Китежа); — Здорово, зверек бумажный. Как живешь, кого грызешь?

(В. Тендряков. Чистые воды Китежа); — Привет, Утюг, как дела? — сказал я ему насколько возможно бесцеремонней.— Дела, как в Польше: у кого телега, тот и пан,— бойко ответил он, точно мы с ним сто лет были знакомы (Ч. Айтматов. Плаха).

При внезапной встрече употребляется архаичное выражение «Бог послал»: Старуха не удивилась внезапному появлению Сулимова, а обрадовалась.— Это Бог мне послал тебя,— сказала она сурово, подымаясь с койки (В. Тендряков. Расплата).

Имеются в современной литературе примеры неприятия вопроса о делах: — Ну, как дела, Юрий Карлович? — спросил Гуров и рассмеялся.— Человек еще не придумал более идиотского вопроса.— Да, вопрос подходящий,— согласился Горстков, устраиваясь в огромном кресле.— Главное, на него легко ответить: «Спасибо, хорошо» (Н. Леонов. Шакалы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай. Слава Богу — лучше всего (знак речевого этикета в системе языка, языковой ситуации и художественном тексте. На материале романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская словесность. № 5. 2002. С. 61—68.

SUMMARY

Ethno-specific phraseological etiquette expressions in Russian fiction are analyzed in this article.

УДК 81'373.231

Т. Г. Трофимович

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В языкознании последних лет стало заметным внимание к ономасиологическим проблемам. Перемещение лингвистических интересов с семасиологии на ономасиологию, от смысла к способам его языкового выражения знаменует новую эпоху в языкознании, которое в настоящее время успешно преодолевает кризис формалистических идей. Это открывает новые возможности изучения номинативных языковых единиц, к которым относятся имена собственные.

Известно, что собственные имена служат для выделения именуемых ими объектов из ряда подобных, индивидуализируя и иденти-

фицируя их [1, с. 473]. К настоящему времени существует большое количество теоретических работ, выявляющих и описывающих основные черты онимов. Усилиями многих ученых (А. А. Реформатский, А. В. Суперанская, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов, В. И. Супрун, Н. В. Бирилло, В. П. Лемтюгова, А. М. Мезенко и др.) создана теория имени собственного, исследованы закономерности возникновения и функционирования этих единиц языка, их грамматические и словообразовательные свойства. В работах по ономастике постулируется тот факт, что имена собственные относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в

большинстве языков мира в класс конкретных имен существительных [2, с. 20]. Подчеркивается также, что имя собственное дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, которые имеют черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс; что именуемый с помощью имени собственного объект всегда четко определен, отграничен, очерчен; что имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации [3, с. 324].

До сих пор многие проблемы ономастики не решены, они находятся в стадии обсуждения. Например, пока нет однозначного ответа на вопрос о том, есть ли у имени собственного значение и каков его объем. В настоящее время все чаще исследователи склонны усматривать в имени собственном значение, приводя его к паритету денотативного и сигнификативного компонентов [4, с. 184]. Если это так, то оним может быть при определенных условиях подвергнут полноценному ономасиологическому анализу, как и аппеллятивные имена. Следует принять во внимание, что определенная часть имен собственных в истории русского языка появилась в результате онимизации нарицательных наименований, определенная часть создавалась по образцу производных аппеллятивных единиц. В обоих случаях задействованные в возникновении имени нарицательного понятия оказывались пригодными для идентификации объектов окружающего мира при помощи имен собственных. Это значит, что, например, деревню *Заречье* называли так потому, что расположенные за рекой земли, на которых возникло поселение, обозначали словом *заречье*, или потому, что поселение располагалось за рекой и при выборе имени это было учтено. Думается, что такие и подобные им онимы можно рассматривать как производные наименования, имеющие полноценную ономасиологическую структуру. Осознание носителями языка производности топонимов, то есть возможность объяснить, почему деревня, например, так называется, свидетельствуют в пользу производности наименования. Если внутренняя форма имени не осознается, значит имя уже автоматически соотносится со своим экстенционалом, денотатом, референтом, категорией объектов [5, с. 20].

Мы осознаем, что ономасиологический анализ онима уместен в тех случаях, когда в имени собственном отражены общие с именами нарицательными номинативные механизмы и деривационные связи. В этом смысле существенным является, на наш взгляд, подтвер-

ждение в именах собственных концептуальной значимости тех или иных признаков, привлекаемых в именование в системе аппеллятивов. Такой анализ корректно осуществим с пониманием того, что онимы генетически и функционально вторичны по сравнению с именами нарицательными. Характер многих имен собственных позволяет связать их с аппеллятивами, подвергшимися онимизации и не всегда сохранившимися среди аппеллятивов в последующем. Тогда возможно с определенными оговорками устанавливать и анализировать ономасиологическую структуру онима, подразумевая, что она является проекцией ономасиологической структуры имени нарицательного. Следовательно, имена собственные могут быть включены в общую типологию предметных наименований, построенную в нашем случае на основе характера ономасиологического признака (ОП) с привлечением языка старорусской деловой письменности. Процедура структурирования ОП при таком подходе тоже оказывается осуществимой: выделяется обобщенный, конкретизированный и частный ОП. Таким образом, ОП = ООП + КОП + ЧОП, а ОСПН = ОП + ОБ (ономасиологический базис).

Рассматривая имя собственное таким образом, мы как бы оставляем в стороне его символическую роль и пытаемся ответить на вопрос, почему этот предмет получил такое имя, служит ли имя предмета семантически и ассоциативно опустошенной «этикеткой» предмета или его появление мотивировано. Мы анализируем в таком случае «не столько имя, сколько процесс и соотношение, завершаемые именем, — именование» [4, с. 185].

Памятники старорусской деловой письменности содержат богатый материал для наблюдений над топонимами, а также фамилиями, представляющими собой онимизированные притяжательные прилагательные. Дело в том, что назначение, а следовательно, и формуляр многих документов подразумевали использование фамилий и топонимов. Например, во вкладных книг монастырей обязательно по фамилии и имени называли того, кто делал вклад, часто указывали фамилии и имена не только тех, кто получал наследство, осуществлял сделки, но и тех, кто письменно фиксировал эти акты. Перечислялись пожалованные или переданные деревни, села, земли и т. п. Приведем пример. Вот как начинается Жалованная данная грамота великого князя Василия Ш. 1523 г.: *Се яз, князь великий Василий Иванович всея Руси пожаловал есми Ивана и Юрья Андреевых детей Тихменевых за службу их и службу их отца за литовскую в*

Костромском уезде село Кунетино на реке Васе, пустошь Душкино, деревня Малое Трмишино, пустошь Лыково Дубовое, пустошь Волково... (ПРП, IУ, 106). Пример подтверждает, как насыщены именами собственными, особенно топонимами и антропонимами, тексты старорусских деловых памятников.

Проведенное нами исследование свидетельствует, что имена собственные представлены в локативном, посессивном и объектном типах предметных наименований. Это значит, что определенная часть онимов возникла с опорой на признак по месту, принадлежности и отношению к другому объекту. В ономаσιологической структуре названий мест локативного типа ОП *место расположения по отношению к другим местам или объектам* в номинативном суждении было эксплицировано предположно-падежными сочетаниями типа *за полем, при селе*. Отсюда возникали апеллятивы типа *заболотье, заборье, заволочье, заворотье, завражье, загородье* или *полесье, поречье* (всего около 200 дериватов). Они переживали процесс онимизации. Так, в памятниках деловой письменности находим названия сел, деревень, пустошей: *Заболотье, Заречье, Залесье, Залужье, Заполье, Заполица, Задорье, Задонье, Завражье, Загорье, Запрудье* и им подобные, а также конверсивные *Заборное, Завражное, Загорочное, Задорожное* и им подобные. Те же способы возникновения топонимов реализованы в наименованиях типа *Нагорье, Нагорное, Напольское* или *Подболотная, Подбережская, Подборное* и др. Среди 406 современных названий деревень Полоцкого района Витебской области (данные наши) встречаются интересующие нас *Заполье, Загатье, Заозерье, Замошье, Заболотье, Залесье, Заполье, Надвинье, Надозерье, Подвинье, Подозерное, Надозерное*. Самими жителями объясняются как локальные дериваты *Залехи, Заволынка, Заситница*.

Локативные апеллятивы играли существенную роль в формировании микропонимики. Приведем для примера часть сведений, содержащихся в материалах «Мікратапанімія Беларусі» (1974), обращая основное внимание на те единицы, которые по составу отличаются от приведенных нами, но реализуют ту же номинативную идею. Находим такие названия сенокосов, урочищ, полей, лесов: *Заастравок, Забалаць, Забалацце, Забалоцкае, Забродак, Загаевак, Загаеўнікі, Загароддзе, Загароднікі, Загацце, Загор'е, Задворкі, Задворня, Задубоуе, Заканауе, Закустоуе, Залехоуе, Залоззе, Залужжа, Залясочча, Замлынне, Замасток, Замасточча, Захмелішча, Захвоіна* [6, с. 84—98]. В указанной работе подобных

наименований значительно больше, и все они подтверждают наши выводы о составе и механизме возникновения конфиксальных локативных универбов с элементом за-

Ономаσιологическая структура наименований с *-ищ-* соответствует схеме: *место* (ООП) *бывшего расположения* (КОП) *чего-либо* (ЧОП). Установлено, что дериваты с суффиксом *-ищ-* активно использовались в старорусском языке, а также в русских и белорусских говорах для наименования убранных полей. Этот суффикс, восходящий к праславянскому **-ьsk-* со значением отношения и неиндивидуальной принадлежности, расширялся справа суффиксом *-j-* с аналогичным значением, а слева распространялся гласным производящей основы. Вероятно, в процессах номинативной деривации *-ищ-* образовывал слова, называвшие места бывшего расположения чего-либо, что оставляло следы своего пребывания. Это суждение одинаково верно как для наименований типа рус. *капустище, овсянище*, белорус. *іллянішча, іржанишча*, так и для универбов типа *дворище, городище*. Уникальным по своей ономаσιологической структуре является универб *местище*, называвший место, участок земли, на котором раньше находились поселение, хозяйственные или другие постройки [7, т. 4, с. 180]. Зафиксированные в памятниках деловой письменности топонимы типа *Криниччище, Мельниччище, Овинчище, Погостище, Репище* (АСЭИ 1) подтверждают продуктивность наименований такого типа. *Мытище* — *место, где брали мыто*, *Мочулище* — *место, где мочили лен, пеньку*.

По модели локативного типа наименований возникали и фамилии людей. По месту жительства получили свои фамилии зафиксированные нами *Заболотский, Заречный, Залесский, Заборовский, Забродов, Замытский, Запольский, Задорожный, Запрудный, Напольский, Подлесский, Подгоренский, Подгорный, Погоренский* и др.

К посессивному типу наименований относится большое количество топонимов и антропонимов. В исследованиях Н. М. Барсова, Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского, А. М. Селищева, Н. И. Толстого, Г. А. Хабургаева, О. Н. Трубачева и многих других отмечена существенная роль категории посессивности в возникновении имен собственных.

Язык старорусских деловых памятников письменности содержит большое количество названий сел, деревень, поместий, городов, являющихся по сути наименованиями посессивного типа. Эти объекты получали свои имена в зависимости от того, кому они принадлежали. Явления субстантивации

притяжательных прилагательных в системе имен собственных известны с глубокой древности. Схему номинативных поисков в данном случае хорошо иллюстрируют известные строки «Повести временных лет»: *Быша трие братья единому имя Кий... И сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев. Киев — город, принадлежащий Киею.* Принадлежность в данном случае детально можно квалифицировать так: город построен в честь кого-то, а затем принадлежал этому человеку, по инициативе этого человека строился город. Известно, что по принадлежности получили свои названия такие города, как *Владимир, Львов, Ярославль, Мстиславль* и др.

Исследователями отмечено, что в условиях вотчинного, а позже помещичьего землевладения «при определении названия селения большую роль играла его принадлежность, вследствие чего название образовывалось от имени, прозвища, фамилии владельца» [8, с. 5]. Высокая степень антропонимичности особенно характерна для ойконимов, этим они отличаются от других топонимов. Исследователями подсчитано количество антропоойконимов на различных территориях. Так, в ойконимии Пензенской области их 40 % от общего количества, в западносибирской топонимии — 63 %, в ойконимии среднего Посухонья — около 63 %, около 50 % вепсских ойконимов имеют в качестве производящей основы антропоним — имя, фамилию или прозвище [9, с. 125; 10, с. 12; 8, с. 7].

Обращение к старорусскому материалу подтверждает исключительную продуктивность среди имен собственных сел, деревень, пустошей, земель наименований, соотносимых с притяжательными прилагательными среднего рода: *Абрамцево, Алесейцево, Борисово, Евдокимово, Григорово, Давыдково, Демидково, Емельянцево, Павлово, Максимово, Мартыново, Митино, Билибино* и др. Они тоже могли возникать на основе канонических имен или на основе других, неономастических наименований: *Кузнецово, Конюхово, Попадьино, Княгинино, Ведерниково* и др. Принадлежность могла выражаться и в таких названиях, которые обнаружены нами: *Митрополиче, Архимандриче, Княже, Девичье* и др.

По образцу притяжательных прилагательных, как известно, возникло и большинство русских фамилий. Идея принадлежности реализовывалась в них в разной форме, однако в любом случае подобные фамилии называли человека, отвечая на вопрос, чей он или чьих он, кого он сын (*Иванов, Сидоров,*

Никитин, Ванин, Черных, Седых, Дурново, Хитрово и т. д.) [11, с. 8; 12, с. 8]. Проведены наблюдения над принципами присвоения фамилий, зафиксированных в переписной книге Ярославля 1671 г., и установлено, что из 11 позиций в 6 реализована идея посессивности [13, с. 9].

Исследование возникновения подобных имен собственных приводит к необходимости осознания суффиксов притяжательных прилагательных, к которым эти антропонимы восходят. В свое время А. М. Селищев, П. С. Кузнецов и другие авторы отмечали, что различие притяжательных суффиксов объясняется в одних случаях тем, что суффиксы эти восходят к разным историческим пластам, в других — различиями тех основ, от которых эти суффиксы образуют притяжательные прилагательные [14, с. 145]. Установлена исключительная значимость древнего суффикса *-j-, который реально выступал в виде -yj- (*волчий, леший*) или -jь-, и суффиксов *-ov-, * -ev- [14, с. 146]. Указанные суффиксы образовывали притяжательные прилагательные, которые изначально в составе неоднословных наименований типа *Иванов сын, Ярославль город, Абрамово село* эксплицировали посессивный признак. Затем в результате свертывания указанных бивербов возникают онимы, которые в дальнейшем служат образцом для возникновения подобных им единиц.

К посессивному типу предметных наименований примыкает подавляющее большинство фамилий, представляющих собой онимизированные притяжательные прилагательные с суффиксами -ov-/ev-, -ин-: *Абрамов, Авдеев, Алексеев, Афанасьев, Васильев, Патрикеев, Радионов, Юрьев, Степанов, Трофимов* и др.; *Кузьмин, Ермолин, Ильин, Никитин, Мишин* и др. Такие фамилии могли образовываться от канонических христианских имен (*Алексей, Авдей, Василий* и т. п.), а также от прозвищ: *Воронин, Дубровин, Воронцов* и т. п. Продуктивным способом возникновения фамилий был и такой, когда посессором выступал человек, названный по роду своих занятий, профессии, по званию, по характеру родственных отношений. Естественно, такие наименования могли становиться прозвищами или не становиться ими, но функционально совпадать с таковыми. Так появлялись посессивные патронимические образования *Княжнин, Дохтуров, Бабин, Дядин, Банников, Дяков, Игумнов, Дворников, Кожевников, Калачников, Казаков, Лекорев, Мукосеин, Мыльников, Овчинников, Поварнин, Хлебников* и др. К спорадическим для старорусского языка моделям посессив-

ного типа следует отнести фамилии полоцких мещан, упомянутых в Таможенных книгах Великих Лук: *Люткович, Крадеченок*, в памятниках южновеликорусского наречия находим: *стрелец Тюмиренко, курченин Болтенко, ливенец Борзенок, Данило Стюденок, Иван Симоненок*.

Отдельно следует оговорить способ возникновения имен собственных, соотносимых с атрибутами. Очевидно, что их можно расценивать как результаты семантической конденсации в процессе номинативной деривации. Неоднословные наименования субстантивно-атрибутивного типа сворачивались, ономаσιологический базис, эксплицированный субстантивом, редуцировался при этом до нуля. Схема появления таких единиц может быть представлена так: *Абрамов сын > Абрамов, Княгинино село > Княгинино, Залесский житель > Залесский* и т. п.

Что касается других ономаσιологических признаков, кроме локативного, посессивного и объектного, то они реализованы в привлеченных к анализу именах собственных спорадически. Так, нумерально-темпоральный признак усматривается в фамилиях типа *Третьяк, Четвертак* и под. При этом есть основания считать, что в них проявлен не наиболее свойственный старорусскому периоду смысл апеллативов (*третьяк, четвертак — животное на третьем, четвертом году жизни*), а другой (*третий, четвертый ребенок в семье*). Если представить, что приведенные имена нарицательные становились прозвищами и от них образовывались в результате семантической конденсации фамилии типа *Третьяков, Четвертаков*, то нумерально-темпоральный признак сменялся в процессе возникновения имени посессивным.

Прежде всего это относится к наименованиям лиц, называвших людей по профессии, роду занятий. Эти апеллативы становились прозвищами, а затем фамилиями в неизменном виде или на их базе возникали посессивные образования. Антропонимы такого характера составляют заметную часть в общей системе старорусского антропонимикона. Нами зафиксированы такие, например, прозвища и фамилии: *Бортник, Баранник, Банник, Блинник, Бочар, Бочарник, Гребенник, Дегтярь, Зелейщик, Золотарь, Иконник, Калачник, Колашник, Ложник, Масленик, Рыбник, Ситник, Овчинник, Овсянник, Пирожник, Пушкарь, Чеботарь* и др. Подобные имена собственные широко представлены в памятниках деловой письменности, содержание и назначение которых подразумевало последовательную идентификацию участников правовых процессов.

Поручную запись 1612 г., например, среди других подписали *Савостя Кожевник, Созон Гончар, Гриша Колачник, Горасим Масленик*.

Памятники письменности дают возможность считать, что подобные наименования не называли человека по роду его деятельности, а служили прозвищами и / или фамилиями. Например, читаем: *Да ис кобацких целовальников Саву Пирожника дав на поруку...* (ПЮН-90, 72, 2). *Таво ж числа приехал ис Курска воронапскои жилец Василеи Сальник, товару у него бочка масла да бочка сельдеи* (ПЮН-ТК, 4, 7).

Многочисленные фамилии представляли собой по происхождению притяжательные прилагательные, восходящие к названиям лиц по профессии и роду занятий: *Бердников, Гусельников, Гусятников, Бортников, Ножевников, Кафтанников, Ключников, Кожевников, Мясников, Овчинников, Сабельников, Седельников, Свечников* и др. Очевидно, что вначале возникали апеллативы типа *бортник, мясник*, затем они становились прозвищами и только потом по образцу *чей сын* фамилии *Бортников, Мясников* и им подобные. В деловом языке зафиксировалось то состояние русского антропонимикона, когда велика доля параллелей типа *Бочарник — Бочарников, Гребенник — Гребенников, Иконник — Иконников, Колесник — Колесников, Крашенинник — Крашенинников, Плотник — Плотников, Солодовник — Солодовников, Чеботарь — Чеботарев*. Можно говорить о том, что в системе русских фамилий оказываются достаточно полно представленными единицы объектного типа, пережившие процесс онимизации.

Таким образом, предпринятые нами попытки системного описания старорусских предметных наименований подтвердили возможность и правомерность включения с определенными оговорками в их состав части имен собственных. Пережитые ими процессы онимизации не всегда приводили к забвению ономаσιологической структуры производящих апеллативов, что позволяет установить положенный в основу именованного признак, структурировать его, строить на этой основе типологию предметных наименований, включая в нее универбы, онимы и бивербы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
4. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

5. Барсук Л. В. Роль употребления имени в процессе референции в индивидуальном сознании // Семантика слова и текста. Психолингвистические исследования. Тверь, 1998.
6. Мікратапанімя Беларусі (матэрыялы і даследаванні). Мн., 1974.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2000. Вып. 1—25.
8. Поспелов Е. М. Названия городов и сел. М., 1996.
9. Варникова Е. Н. Антропонимы Среднего Посухонья // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 125—135.
10. Мулонен И. И. Очерки европейской топонимики. СПб., 1994.
11. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.
12. Федосюк Ю. А. Русские фамилии. М., 1996.
13. Куратов А. А. Севернорусская ономастика // Живое слово русского севера: Сб. науч. тр. Архангельск, 1998.
14. Кузнецов П. С. Очерки по исторической морфологии русского языка. М., 1956.

SUMMARY

The article is devoted to discernment of proper names, their peculiarities as derivative names. The Thesis presupposes introduced that processes of onimisation survived by appellatives don't obscure onomasiological structure of proper names and allow to analyse them including such units into general typology of subject names.

УДК 81'1

И. И. Анищик

АНАГРАММА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(теория и история вопроса)

Анаграмматически построенные поэтические тексты приобрели значимость в качестве объекта исследования во второй половине XX в. с момента опубликования серии записей Ф. де Соссюра (датирующихся 1906—1909 гг.), в которых в рамках занятий индоевропейской поэтикой и древнеиндийскими теориями языка была выдвинута гипотеза о существовании общего для различных индоевропейских традиций: древнеиндийской, раннелатинской, древнегреческой, древнегерманской — «установленного религиозного или поэтического закона», «главного принципа», «метода», «приема», «поэтической формы» построения сакральных текстов (наблюдаются колебания лингвиста в обозначении зафиксированного явления) жрецами-поэтами. Для называния последних Ф. де Соссюр использовал древнеинд. *Kavi* — 'мудрец', 'поэт' (родственно авест. *Kavi* — 'вождь' < 'шаман', лидийск. *Kave* — 'жрец') и лат. *Vates* — 'пророк', 'вдохновенный песнопевец'.

Так, согласно Ф. де Соссюру, «каждый поэтический текст в этих традициях <...> строился в зависимости от звукового (фонологического) состава ключевого слова, чаще всего имени Бога» [1, с. 617]. По табуистическим соображениям, последнее обычно отсутствовало в словесном массиве текста (возможны расхождения между отдельными текстами и целыми традициями), но воссоздавалось всей его

фонической структурой. Лексически текст организовывался таким образом, чтобы в звуковом (фонологическом) оформлении слов с определенной закономерностью повторялись звуки (фонемы) слова-доминанты. Ученый высказывал предположение о том, что «могло быть религиозное представление, согласно которому обращение к Богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слог и имени Бога» [2, с. 642].

В поэтике закрепился один из терминов, которыми оперировал швейцарский лингвист, обозначая и описывая явление сакрально мотивированного кодирования слова, — анаграмма (фр. *Anagramme* < греч. *Ana* — пере, через, вперед и *gramma* — письменный знак, буква).

Сущность и механизм действия древней анаграммы Ф. де Соссюр объяснял, сравнивая ее с такими позднее господствующими в поэзии явлениями фоники, как аллитерация и рифма. По мысли лингвиста, причиной аллитерации, определяющей структуру древних метрических текстов (например, древнегерманского аллитерационного стиха), является метр (ритм) стиха, который, стремясь себя обнаружить, определенным образом организует фоническое пространство стихотворного текста: слова подбираются по звуковому (фонологическому) тождеству начального консонантного элемента. Позднейшие исследователи подтвердили эту мысль, установив, что языковым условием появления аллитерационного